

В. Ю. Перов

ЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Предлагаемый к обсуждению вопрос связан с тем своеобразным положением, которое занимает этика как наука в философских исследованиях XX в. Учитывая, что возможны различные интерпретации того, что представляет собой современная этика как некоторое знание о морали и что является ее основными проблемами, нельзя не признать, что состояние

© В. Ю. Перов, 2000

и статус этой науки в значительной степени определены логическими исследованиями. Речь идет прежде всего о логической проблеме «сущего» и «должного», которая в силу ее сложности и значимости как для логики, так и для этики получила название «гильотины Юма» и произвела в философии XX в. не меньший эффект, чем в свое время сформулированная тем же Юмом «проблема причинности».

До сих пор вопрос о возможности логического выведения суждений о должном из суждений о фактах (сущем) не получил удовлетворительного разрешения, как в положительном, так и в отрицательном смыслах, т. е. на сегодняшний день продолжают оставаться недоказанными как возможность такого выведения, так и его невозможность. Другой проблемой, помимо вопроса о выводимости, оказывается сам статус суждений о должном с точки зрения логической семантики истинности и ложности. Многочисленные попытки построения логических систем с заменой высказываний должествования на индикативные, разделение норм на нормы-высказывания и нормы-формулировки позволили по сути дела «обойти» вопрос о «сущем» и «должном» в рамках логических исследований и создать целое направление в логике, получившее название деонтической логики, которая, вырастая из модальной логики, в ходе своего развития оказалась внутренне структурированной и включает в себя на сегодняшний день достаточно широкий спектр относительно самостоятельных и не сводимых друг к другу логических исследований, таких как логика норм, логика оценок, логика действий, логика предпочтений и т. д. В то же время проблема долженствующих высказываний так и осталась проблемой и ее разрешение представляет интерес не только в рамках логики — как решения определенной логической задачи, но и в не меньшей степени для теоретической этики — как дисциплины, претендующей на научное знание, поскольку, с одной стороны, этика не может обходиться без анализа долженствующих (прескриптивных) высказываний, а с другой стороны, если их нельзя рассматривать с точки зрения их истинности или ложности, то выводы из их анализа не могут претендовать хотя бы на минимальную научную истинность, понимаемую по крайней мере как логически верифицируемую.

В рамках статьи нет возможности рассмотреть различные деонтические системы, только их перечисление займет не одну страницу, не говоря уже о сколь-либо серьезном сравнительном их анализе. В связи с этим поставленную задачу можно сформулировать следующим образом: *какое значение могут иметь исследования в области деонтической логики для теоретической этики?*

На первый взгляд, сама проблема кажется надуманной и возможный ответ на нее выглядит достаточно очевидным и тривиальным: *столь же важное, как для всякой теоретической науки.* Не подвергая сомнению

такой вариант ответа, имеет смысл сформулировать вопрос несколько в иной форме: *в состоянии ли современная этика как философская и научная дисциплина решать стоящие перед ней проблемы без обращения к исследованиям в области деонтической логики?* Его решение уже не выглядит столь очевидным, тем более, что этика помимо того, что является теоретическим знанием, в то же время выступает в виде практической философии, т. е. кроме описания существующих нравственных норм неизбежно содержит в явной или неявной форме некоторые практические предписания, касающиеся поведения, соответствующего этим нормам, иными словами, определенные выводы из анализа норм морали. Но как раз проблема логического вывода оказывается тем камнем, о который «спотыкаются» исследования деонтической логики, поскольку правила вывода, применяемые в рамках пропозициональной логики и даже классической модальной логики в логике норм приводят к неизбежным и многочисленным «парадоксам».

Самым известным парадоксом логики норм как основного направления деонтической логики является «парадокс Росса», получивший свое название по имени датского юриста А. Росса, попытки разрешить его, собственно говоря, и вызвали появление деонтической логики как самостоятельной области логических исследований. В формулировке, предложенной самим Россом, этот парадокс выглядит следующим образом: «Письмо должно быть послано, следовательно, письмо должно быть послано или сожжено». Его можно записать в символах логики: $Op \rightarrow O(p \vee q)$ (O — оператор обязательности). С точки зрения Росса, операция введения дизъюнкции в данном случае логически не оправдана и свидетельствует о том, что нормы не имеют логики и являются принципиально «алогичными», а соответственно, невозможна и никакая логика норм в строгом понимании самого слова «логика».

Среди множества попыток разрешить «парадокс Росса» особое внимание вызывают исследования Г.-Х. фон Вригта. Интерес к ним может быть объяснен не только тем, что фон Вригт является одним из основоположников логики норм и общепризнанным авторитетом в области деонтических исследований, но также и тем обстоятельством, что он пытается построить логику норм на основе логики действия. Такой подход существенно расширяет саму логику норм и сферу ее применимости, поскольку нормы рассматриваются уже не только с точки зрения их логической возможности, но и с точки зрения их выполнимости.

Разрешение «парадокса Росса» выглядит в системе фон Вригта следующим образом. Он предполагает, что в деонтическую систему должна быть включена теорема $OBp \rightarrow OB(p \vee q)$ и исключена $OBp \rightarrow O(Bp \vee Bq)$, где B — оператор выполнения действия. Таким образом в его логике норм допускается логическая возможность обязательности выполнения дизъ-

юнкции различных действий, но отрицается логическая возможность обязательности дизъюнкции выполнения различных действий. По мнению фон Вригта, к теореме $OBp \rightarrow O(Bp \vee Bq)$ не применима семантика истинности, и «парадокс Росса» возникает из неоправданного смещения $OBp \rightarrow OB(p \vee q)$ и $OBp \rightarrow O(Bp \vee Bq)$, при строгости их различения всякая парадоксальность снимается (1).

При всей справедливости рассуждений фон Вригта о том, что формула $OBp \rightarrow O(Bp \vee Bq)$ не может быть включена в деонтическую систему, следует отметить, что здесь, по-видимому, присутствует лишь видимость разрешения данного парадокса. Если внимательно рассмотреть «парадокс Росса», то нетрудно заметить, что «парадоксальность» возникает только тогда, когда выполнение (невыполнение) какого-либо действия, связанного с нормой, влечет за собой невозможность выполнения (невыполнения) другого действия, иными словами, когда q принимает такое значение, которое фактически есть не- p (сожжение письма означает, что оно не послано). В этом случае $OBp \rightarrow OB(p \vee q)$ получает следующий вид: $OBp \rightarrow OB(p \vee \sim p)$. Трудность заключается в том, что фон Вригт полагает, что подобное положение дел является логически невозможным, рассматривая такой случай как частный и доказывая, что $B(p \vee \sim p)$ является тождественно-ложной формулой, поскольку, будучи разложенной по правилу дистрибутивности, принимает вид $Bp \& B \sim p \vee Bp \& |B \sim p \vee |Bp \& B \sim p (|B — воздержание от действия)$. «Каждый из трех дизъюнктов является конъюнкцией двух из восьми элементарных видов действия... и эти действия (воздержания от действий) являются взаимоисключающими. Следовательно все три дизъюнкта логически ложны, и, следовательно, их дизъюнкция $B(p \vee \sim p)$ выражает логическую ложь» (2). Но с тем же успехом можно рассматривать как частный случай несовпадение q и не- p , и тогда «парадокс Росса» снова оказывается в силе.

По всей видимости, данная проблема в принципе не разрешима логическими средствами. В качестве если не прямых, то по крайней мере косвенных аргументов можно привести следующие обстоятельства, которые были обнаружены в ходе исследований в области деонтической логики, прежде всего в логике норм.

Во-первых, имеет смысл поставить вопрос о том, что представляет собой норма (кодекс норм) с точки зрения осуществления того или иного действия. Как справедливо отмечает фон Вригт, ответ на вопрос о том, действительно ли данная норма (кодекс норм) выступила в качестве мотива действия, может быть дан только *ex post actu*, т.е. только после совершения действия в соответствии с данной нормой. Таким образом, оказывается, что само существование некоторого должностующего высказывания в качестве нормы определяется ее выполнением, поскольку

вряд ли имеет смысл рассматривать в качестве норм императивные положения, которые, будучи логически и физически возможными, никогда и никем не выполнялись.

Во-вторых, если существование некоторой нормы, побуждающей к действию, определяется ее выполнимостью, то это означает, что совершение некоторого действия, которое создает ситуацию невозможности выполнения действия согласно существующей норме, по сути дела отрицает ее в качестве нормы. Это можно показать на примере «парадокса Росса». Если «*письмо было сожжено*», то тем самым норма «*письмо должно быть послано*» была нарушена, и фактически оказалась осуществленной норма «*письмо должно быть сожжено*», которая встала на место первоначальной нормы. И в том случае, когда исходная норма является не отдельной, самостоятельной нормой, а часть некоторого кодекса норм, то такая замена ведет: (1) к изменению кодекса путем включения новой нормы, (2) к противоречию, когда исключение одной нормы и включение фактически отрицающей ее нормы делает кодекс невыполнимым, и требуется или (а) замена всего кодекса на другой, который бы включал новую норму, или (б) включение в кодекс норм некоторой нормы, выполнение которой «нейтрализует» данную замену, объявляет новую норму «*пеистинной*», восстанавливая тем самым прежний кодекс. В реально существующих кодексах норм последний случай имеет место прежде всего в нормах, предусматривающих наказание за нарушение первоначального кодекса.

Сложность заключается в том, что выбор одной из этих возможностей не может быть логически выведен из кодекса норм. Связано это со следующими обстоятельствами.

1. Совершение некоторого действия q (*сожжение письма*), не совпадающего с требованием нормы Op , вовсе не означает, что норма, предписывающая такое действие, существовала до того, как действие было совершено. Сам процесс совершения действия фактически есть процесс нормотворчества, является актом создания новой нормы и выступает как некоторый **практический**, а не **логический** вывод из существующего кодекса норм. Только после совершения действия можно говорить о той норме, в соответствии с которой оно было осуществлено. Конечно, можно говорить о некоторой возможности такой нормы и такого действия, но тогда пропадает всякий смысл обязательности.

2. Совершение действия p (*отправление письма*) в соответствии с нормой Op также является **практическим**, а не **логическим** выводом. Исследования в области логики принятия судебных решений показали, что их принятие является логически независимым от существования самого кодекса норм. Подведение единичного случая выполнения (нарушения) нормы нельзя дедуктивно вывести из существования общих норм. Судеб-

ное решение, даже если внешне оно выглядит согласованным с некоторым правовым кодексом, само по себе является законодательным актом, созданием нормы, дополняющей существующий кодекс, а не логическим выводом (3). В судебно-процессуальной практике это нашло свое выражение в том, что приговор суда рассматривается в виде правовой нормы, обязательной к исполнению, а также в существовании практики «прецедентного права», когда судебное решение дополняет правовой кодекс и в дальнейшем рассматривается как самостоятельная норма наряду с другими нормами существующего кодекса.

Складывается ситуация, когда деонтическая логика оказывается не в состоянии решать возникающие перед ней проблемы собственными средствами, т.е. чисто логическим путем. Если посмотреть на проблему возникновения парадоксов деонтической логики в целом (не только «парадокса Росса», но и таких, как «парадокс получения обязательства», «парадокс доброго самаритянина» и другие), то нетрудно заметить, что они появляются тогда, когда логически формализованные положения начинают наполняться конкретным содержанием реально существующих норм. С одной стороны, деонтическая логика, будучи формально-логической системой, сознательно вынуждена абстрагироваться от экзистенциального статуса норм, но, с другой стороны, претендуя на некоторую «истинность», хотя бы в том смысле, что ее положения должны выражать логику некоторых реально существующих процессов, она не может полностью игнорировать само содержание норм, в результате чего выходит за пределы собственной сферы и начинает вторгаться в область права и морали. Наполнение же логических норм экзистенциальным содержанием разрушает стройность и последовательность формально-логических построений, что является, по-видимому, неразрешимой проблемой для логики норм, поскольку она представляет собой один из аспектов проблемы «сущего» — «должного». Но это есть не только логическая, но и этическая проблема, и если она не решается логическими средствами, то вновь возникает вопрос о роли логических исследований для теоретической этики.

Своеобразие ситуации, сложившейся во взаимоотношении логики и этики, обусловлено еще и тем, что сформулированные в логической форме проблемы оказались в центре внимания теоретической этики значительно раньше, чем становление самой деонтической логики. Речь идет прежде всего об этике Канта и ее критике.

Моральная философия Канта представляет в рамках нашего исследования особый интерес потому, что можно обнаружить ряд аналогий между современной деонтической логикой и методологическими принципами и некоторыми положениями его этики.

Правдивность в моральной философии Канта выступает как формальная, как чистая форма морального закона, форма категорического

императива, лишенная всякого «материального» (т. е. «экзистенциального») содержания. Кант неоднократно подчеркивал, что моральный закон существует вне зависимости от того, присутствуют ли в действительности поступки, мотивом которых выступает долг по отношению к моральному закону: «На самом деле совершенно невозможно из опыта привести с полной достоверностью хотя бы один случай, где максима вообще-то соответствующего с долгом поступка покоилась бы исключительно на моральных основаниях и на представлении о своем долге» (4).

Другим важным моментом моральной философии Канта оказывается то, что нравственность в его концепции основана на законодательстве чистого практического разума. Человек, поступая из чувства долга по отношению к форме категорического императива, занимается нормотворчеством, превращает субъективные правила (максимы) в общезначимые, в нормы для всех.

Развернувшаяся критика формальной этики Канта была направлена прежде всего против последнего момента, поскольку взятое в абстрактном виде такое положение, *во-первых*, вело к возможности установления любых моральных норм, *во-вторых*, будучи наполненным эмпирическим содержанием, могло выступить основой противоречия вновь возникающих норм как с уже существующими, так и с нормами, устанавливаемыми другими людьми. В этической литературе своего времени эта проблема получила название «коллизии обязанностей». В целях избежать ее Кант ввел в свою моральную философию принцип непротиворечивости, который иллюстрировал на примере необходимости (морального долга) возвращения депозита, полученного на хранение: «И я тотчас обнаруживаю, что такой принцип (*расточительство депозита*. — В. П.), будучи законом, уничтожил бы сам себя, так как это привело бы к тому, что вообще никто не будет отдавать деньги на хранение» (5).

Показательна критика данного положения Гегелем: «Но какое же противоречие возникает из того, что депозитов больше не будет? Это будет противоречить другим необходимым определенностям, так же как то обстоятельство, что депозит возможен, будет связано с другими определенностями и тем самым само станет необходимым. . . Для формы обе эти противоположности одинаково безразличны. . . » (6).

На примере дискуссии, посвященной «коллизии обязанностей», видна аналогия между проблемами современной логики норм и исследованиями в области моральной философии. И в том и в другом случае вопрос заключается, с одной стороны, в обязательности выполнения существующих норм, сформулированных в виде высказываний долженствования, а с другой — в возможности формирования и выполнения императивных положений, отличных от предустановленных норм. Но если в этике подобные проблемы могли возникнуть до логических исследований в области

деонтической логики, то вновь возникает вопрос о значимости логических исследований для этики. Для его разрешения имеет смысл обратиться к некоторым положениям, сформулированным представителями так называемой «школы логического анализа языка морали».

Основоположник данного направления в этике XX в. Р. М. Херп пришел к выводу о многоуровневой структуре морального языка, причем нормативное моральное мышление, которое в его концепции выступает как один из уровней, в свою очередь, подразделяется на два: *критический* и *интуитивный* уровни. Принципиальным оказывается то, что кажущиеся самоочевидными (*prima facie*) положения интуитивного уровня не являются самостоятельными: «Этот уровень мышления (*интуитивный*. — В. П.) не может быть (как это обычно предполагают интуитционисты) основанным на самом себе; здесь необходим критический уровень мышления, при помощи которого мы отбираем *prima facie* принципы для использования на интуитивном уровне, разрешаем конфликты между ними, и даем их системе в целом оправдание, которое интуиция сама по себе никогда не сможет предоставить» (7).

Признание истинности данного положения позволяет сформулировать некоторый вывод, хотя бы в качестве рабочей гипотезы, требующей дальнейшего детального рассмотрения, для решения вопроса о значимости логики для этики. Исследования в области деонтической логики представляют собой в определенном смысле предельный вариант мышления на критическом уровне. Трудности, связанные с логическим выводом в логике норм, обеспечивают существование ситуации морального выбора и нравственной ответственности за него, являются условием существования моральной свободы и, в конечном счете, существования самой нравственности. Вместе с тем моральный выбор как нормативно-практический вывод логики норм, в свою очередь, является необходимым условием существования нормативных кодексов, и, соответственно, самой логики норм. Создание нормы в ходе выполнения действия и присоединение ее к существующему кодексу по сути дела есть способ его логического разрешения. Если проблематично говорить о непосредственном переносе результатов логических исследований в область этики, то их взаимоотношение может быть представлено в виде относительно самостоятельных систем, находящихся в состоянии референции и самореференции, когда необходимый выход за свои собственные пределы является одновременно и условием существования и фактором саморазвития.

Такой вывод представляется достаточно перспективным не только с точки зрения решения вопроса о значении логики для теоретической этики, но и для обоснования важности самих этических исследований для нравственно-практической деятельности, поскольку предполагает их в качестве необходимой составляющей ее части.

¹См.: *Вригт Г. Х. фон*. Нормы, истина и логика // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986. С. 383–384.

²Там же., С. 366–367.

³См.: Там же., С. 402–403.

⁴*Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М. 1965. С. 243.

⁵*Кант И.* Критика практического разума // Там же. С. 343.

⁶*Гегель Г.* О научных способах исследования естественного права // Гегель Г. Политические произведения. М., 1978. С. 211.

⁷*Hare R. M.* Justice and Equality // Justice and Economic Distribution / Ed. by John Arthur and William Shaw. Prentice Hall, 1978. P. 116.